

Пэн Па издал вопль, достойный режущейся свиньи, который разнёсся по всей комнате.

Ян Ша еще не успела добраться до поля боя, но Пэн Фань благодаря удачному расположению оказался там первым.

Пэн Фань от испуга покрылся холодным потом:

— Что случилось, пап?

Пэн Фань на мгновение опешил, увидев отца в комнате Бай Туна, но его удивление тут же прервали болезненные стоны Пэн Па.

— А-а-а!

Пэн Па застыл с вантузом на лице, а его тело извивалось в неестественной позе, словно у ошпаренного вьюна. При этом руками он судорожно прикрывал самое заветное место — любой мужчина поймет этот жест с первого взгляда, от одного лишь вида которого становится больно.

А Бай Тун, казалось, был напуган до смерти и стоял на месте ни живой ни мертвый.

— В чем дело? — Пэн Фань попытался сдернуть с лица отца нелепый вантуз.

С первого раза не получилось: вантуз присосался на совесть, да и тянуть пришлось сильнее. Судя по всему, Пэн Фань задел рану, потому что Пэн Па взывал еще громче — прямо как кабан на бойне. Услышав этот крик, спешно прибежавшая Ян Ша завопила:

— А-а-а!! Муж! Муж, что с тобой?!

Ян Ша от паники только и умела, что заливаться слезами.

Пэн Фань еще не успел вытащить вантуз, а эти двое под ухом вместо помощи устраивали лишь балаган.

Он попытался поднять отца на ноги, Ян Ша бросилась помогать, но от истерики у нее совсем не осталось сил, и у самого выхода они вместе грохнулись на пол.

Пэн Па тут же горько заревел. Этот с виду всегда такой интеллигентный и утонченный мужчина сейчас рыдал навзрыд, размазывая сопли и слёзы, растеряв весь свой лоск.

Стоило заплакать Пэн Па, как к нему присоединилась и Ян Ша.

У Пэн Фань голова шла кругом. К приезду скорой помощи Пэн Па уже потерял сознание.

Травму Пэн Па получил в самом деликатном месте.

Но больше всего врачей озадачил зловонный вантуз: он сидел намертво, к тому же ручка была длинной и жутко мешала, поэтому сначала пришлось спилить верхнюю часть подручными средствами.

Весь вечер больница оглашалась разрывающими душу криками Пэн Па.

В больнице курить запрещалось, так что Пэн Фаню пришлось выйти на улицу.

Заодно он выволок за собой и Бай Туна.

В конце концов, ЧП произошло в комнате Бай Туна.

— Что в конце концов произошло? — Пэн Фань затянулся, и едкий дым, опустившись в легкие, позволил ему кое-как взять себя в руки.

Ночная температура резко упала, и перед выходом из дома Бай Тун плотно запахнулся в толстое пальтецо.

Его хрупкие кости тонули под слоем плотной ткани, наружу торчала лишь голова. Он встал слишком рано, поэтому весь так и клевал носом от сонливости.

Пэн Фань скосил на него глаза и разглядел лишь густые пушистые ресницы — было совершенно непонятно, спит тот вообще или нет.

— Эй!

Пэн Фань слегка толкнул его, но Бай Тун и вправду почти заснул, так что от этого толчка едва не завалился набок.

Тут уже по-настоящему испугался Пэн Фань. К счастью, реакция у него была отменная: он успел ухватить парня за воротник, а его грубые подушечки пальцев случайно скользнули по шее Бай Туна.

Кожа на шее у Бай Туна была невероятно чувствительной — в обычные дни даже трение постельного белья вызывало у него дискомфорт, не говоря уже о подобном прикосновении.

Жутко щекотно.

И это ощущение не ограничивалось поверхностью кожи — казалось, будто сотни крошечных насекомых своими мириадами лапок разом пробежали по телу.

— ! — у Бай Туна моментально пошли мурашки по коже.

Он забился в руках Пэн Фань, замахал руками и отшлепал того по ладоням, после чего Пэн Фань поспешно отпустил его на землю.

Бай Тун тут же зажал покрасневшую кожу руками и отскочил назад.

Спиной он врезался в перила, от боли на глазах выступили слезы, и он поднял на Пэн Фаня влажный взгляд.

Свирепый, сердитый, с влажным носом и слезящимися глазами — он выглядел до невозможности обиженным.

— Почему бы тебе не пойти и не спросить своего отца? Или волшебную ракушку спроси!

Пелена влаги в глазах Бай Туна ослепила Пэн Фаня. Окурок качнулся, и горящий уголек обжег палец. Пэн Фань вздрогнул — ему захотелось схватить Бай Туна и хорошенько проучить.

— Мой отец пострадал в твоей комнате! Он до сих пор внутри, врачи им занимаются!

Выражение лица Бай Туна постепенно остывало. Он уже не так свирепо таращился на собеседника, но влажная дымка в глазах еще не рассеялась.

Пэн Фаню казалось, что Бай Тун вот-вот расплачется, а с плачущими людьми Пэн Фань совершенно не умел обращаться.

Бай Тун произнес:

— Он пострадал в моей комнате, да среди ночи! Какого черта он вообще забыл в моей комнате?!

Пэн Фань лишился дар речи.

На самом деле Бай Тун все прекрасно понимал.

Пэн Па был великим мастером показухи: утонченный, элегантный, понимающий с полуслова, он слыл в глазах окружающих образцовым мужем и отцом.

До женитьбы он вел себя легкомысленно и развязно, а любовницы у него были на каждом шагу, но после брака по залёту пришлось поневоле усмирить свою истинную природу. Однако если человек сдерживает свою натуру год — он святой, если два — извращенец; не сорвавшись в молчании, он сходил с ума от собственного извращения.

Выбирая между званием хорошего мужа и тюремным сроком, он решительно выбрал второе.

За спиной Ян Ша он снова пустился во все тяжкие, а шлейф удушливого парфюма, которым он был пропитан, соперничал по воню с помоями.

Оригинал после наступления совершеннолетия начал вытягиваться в рост и худеть; хрупкий, робкий, обладающий незаурядной красотой, он сразу же приглянулся Пэн Па.

Пэн Па тешил себя мыслями о садовнике и был извращенно убежден, что это аппетитное яблочко по имени Бай Тун должно созреть, прежде чем он сможет его отведать. И хотя до поры до времени он не переходил к реальным действиям, его недвусмысленные домогательства и фальшивая ласка оставили в душе оригинального владельца тела глубочайшую психологическую травму.

Бай Тун подумал, что эту историю следует переименовать в Полный свод уголовных законов.

Изучай УК РФ, и будешь спать спокойно.

Ночной ветер пробирал до костей, и Бай Тун зябко шмыгнул носом.

Сердце Пэн Фаня отчаянно ёкнуло:

— Смеешь плакать!

Он абсолютно не переносил плачущих людей.

Бай Тун:

— ?

Он вообще-то просто замёрз.

Пэн Фань взъерошил короткие волосы:

— Я во всем разберусь. Только не смей реветь при мне, от этого плача тошно! Слезы прямо как жемчуг, бесплатные что ли?

Бай Тун снова шмыгнул носом, его голос слегка дрожал от холода:

— Слезки — как жемчуг, чем больше реवेशь, тем больше похож на свинью.

Пэн Фань:

— ...Ха-ха, а у тебя отличное чувство юмора?

Бай Тун:

— Ага-ага, конечно.

Пэн Фань: его кулаки снова зачесались.

Заставлять человека мерзнуть здесь посреди ночи — Пэн Фань чувствовал себя так, будто издевается над ребенком.

Он отвел Бай Туна обратно, всю дорогу ломая голову над поведением Пэн Па.

Зачем Пэн Па среди ночи тайком пробрался в комнату Бай Туна?

Бай Тун всегда вел себя дома тихо и послушно, взваливая на себя всю работу. Что же такого сотворил Пэн Па, раз такой послушный ребенок боялся об этом заикнуться, а при одном воспоминании начинает реветь?

Слезы, о да, слезы словно жемчуг.

Хлюпает носом, а пожалеть некому.

.

После ночного лечения Пэн Па все же удалось спасти свое мужское достоинство.

Правда, из-за деликатного характера травмы ему требовалось еще какое-то время понаблюдать за состоянием в больнице.

Поскольку ситуация была донельзя постыдной, Пэн Па не хватало духу признаться, что он полез куда не следует.

Поэтому, когда Пэн Фань и Ян Ша расспрашивали его, он заявил лишь, что случайно услышал, как Бай Тун бредит во сне, зашел проверить, но оступился и получил удар упавшим со стола словарем.

Пэн Фань прекрасно понимал, что отец лжет.

— А... а как же вантуз у тебя на лице? Ты что, сам его нацепил?

Когда вантуз снимали, Пэн Па повредил переносицу и рот, из-за чего нос расплющился, а губы распухли до размеров сосисок. После того как приспособление убрали, на лице остался комичный красный круг.

Пэн Па мгновенно растерял остатки самообладания.

Привыкший казаться интеллигентным, он всегда пользовался всеобщим уважением и снисхождением. С чего бы кому-то сметь так с ним обращаться?

Тем более что раньше Бай Тун опускал глаза и ломался в жеманном кокетстве — со стороны это выглядело чистой воды соблазнением, а теперь этот наглец еще и прикидывается жертвой!

Пэн Па не мог раскрыть правду: ему нужно было спасти репутацию, да и Ян Ша ни в коем случае нельзя было посвящать в это дело.

С ее характером она не только растрезвонит об этом на весь белый свет, но и подорвет деловую карьеру Пэн Фаня.

— Неужели ты и вправду сам его нацепил? У тебя что, такие странные склонности? — заметив бегающие глаза отца, Пэн Фань почувствовал недоброе предчувствие.

Не успел Пэн Фань допросить его с пристрастием, как в палату галдящей толпой ввалилась родня: дедушка с бабушкой Пэн Фаня и зеваки-родственники.

Родственники с порога принялись голосить и причитать, а Ян Ша тут же затянула плач за компанию.

Бабушка Пэн достала суеверный оберег и протянула его Пэн Фаню:

— Храни его как зеницу ока для отца! Гадалка сказала, что на твоего отца порча пала! По мне так во всем виноват этот багряный проклятый отродье из семьи Бай! Своих родителей в могилу свел, а теперь за моего сына взялся! Фаня, сынок, и ты береги себя!

Пэн Фань:

— ...

Ян Ша сквозь слезы поддакнула:

— Именно! Раньше он еще огрызался со мной, если бы не наша семья, кто бы стал с ним возиться! А теперь еще и мужа до такого довел!

Бабушка тут же подсказала выход:

— Ему уже за двадцать, пора бы и честь знать! Дай ему немного денег, пусть убирается на все четыре стороны! Вы столько лет его кормили, с вас хватит!

Ян Ша яростно заскрежетала зубами и пожаловалась:

— Я давно говорила гнать его в шею, да муж всё твердил, что он еще ребенок — вот теперь дождались! Нет, что ни говори, а я заставлю его катиться отсюда!

.

Бай Тун встал спозаранку и первым делом расписал свой рабочий график.

Шэнь Минчжу сегодня не объявился — судя по всему, его потрясло вчерашнее примирение со стороны Шэнь Фусюэ. Но разве может опытный сердцеед клюнуть так быстро? Шэнь Минчжу потерпит сокрушительный провал, после чего обязательно вернется к нему.

Будь то роль затычки для дыр или консультации по сердечным делам — все это чистая прибыль.

С другой стороны, Шэнь Минчжу, решивший, что после разговора с Бай Туном он постиг все тайны любви, действительно привлек к себе еще больше внимания со стороны «сердцееда» Шэнь Фусюэ.

В тот же день Шэнь Фусюэ сам позвонил Шэнь Минчжу и завел разговор об их двоюродном брате из семьи Шэнь.

Шэнь Фусюэ произнес:

— Минчжу, я тут размышляю, стоит ли говорить тебе об одной вещи.

Шэнь Минчжу как раз упивался радостью от того, что Шэнь Фусюэ позвонил первым, и ни капли не подозревал, что Шэнь Фусюэ уже выкопал для него яму, намереваясь отыгаться за прошлое поражение.

Шэнь Минчжу отозвался:

— Что случилось?

Шэнь Фусюэ замялся:

— Я боюсь, что, услышав это, ты разозлишься.

— С чего бы мне злиться на тебя?

Шэнь Фусюэ ненадолго умолк, после чего его голос прозвучал мягко:

— Ты по-прежнему так добр. Просто...

Слушая низкий, чуть хриловатый голос Шэнь Фусюэ, Шэнь Минчжу рассеянно перелистывал страницы лежавшей перед ним книги с ультрамодной обложкой, похожей на чтиво самого низкого пошиба.

Шэнь Минчжу спросил:

— Что такое?

Ловя хриловатые нотки Шэнь Фусюэ, Шэнь Минчжу чувствовал, как его сердце смягчается.

Ему хотелось немедленно взять билет на самолет в город, где находился Шэнь Фусюэ, чтобы заполнить его грусть теплом совместного чаепития.

Шэнь Фусюэ промолвил:

— На самом деле... Сюаньэр без памяти влюблен в тебя. Я долго не решался сказать тебе об этом.

Шэнь Минчжу замер. О том, что Сюй Сюань питает к нему чувства, он знал уже давно и втайне успел отказать тому, однако Шэнь Минчжу никак не мог взять в толк, к чему Шэнь Фусюэ вдруг завел об этом речь.

Его густая кровь текла медленно и тяжело, пробудить в нем былую страсть было уже почти невозможно, но эта мысль почему-то цепляла струны души, разжигая тлеющий жар.

Все наставления Бай Туна в духе «не признавайся, прикинься братьями» вылетели у него из головы. Шэнь Минчжу понимал лишь одно: упусти он этот шанс, второй возможности может уже не представиться.

Любовь — та же война, а делец ловит удачу за хвост.

Шэнь Минчжу собрал воедино всю храбрость, накопившуюся за полжизни.

— Но я люблю тебя.

Голос Шэнь Минчжу звучал исключительно спокойно — даже спокойнее, чем он сам ожидал.

Он любил Шэнь Фусюэ с самых малых лет.

В те времена он был нищим бродягой, по уши в долгах, беспутным и слоняющимся без дела уличным хулиганом.

Если бы не встреча с Шэнь Фусюэ.

Возможно, он давно бы уже загремел за решетку.

<http://bllate.org/book/21952/2280877>